

Идеология популизма в политическом процессе на Украине

Томин Л.В.,

кандидат политических наук,
доцент кафедры философии, политологии и социологии
Петербургского государственного университета путей сообщения
E-mail: leopolit@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу идеологии популизма, которая консолидировала часть украинского общества в уличных протестах осени 2013 — зимы 2014 г. и привела к смене власти в стране. В статье рассматривается дискуссия по проблеме популизма, развернувшаяся в зарубежной науке в последнее десятилетие. Кроме того, предпринята попытка проанализировать популистские тенденции в рамках всего восточноевропейского региона и исследовать их причины.

Ключевые слова: популизм, идеология, Украина, постсоветское пространство, Восточная Европа.

Одна из наиболее обсуждаемых тем последнего времени — события в Украине, где политическая мобилизация различных слоев общества привела к кровавым столкновениям и смене власти. Ситуация вокруг Крыма и война на востоке страны ставят перед исследователями массу вопросов, связанных с международным правом, проблемой утраты государством монополии на легитимное насилие и т.д. В данной статье предпринята попытка анализа идеологии тех сегментов элиты и слоев украинского общества, которые выступили как основные акторы произошедших политических перемен.

При анализе движущих сил и идеологической направленности событий на Майдане осени 2013 — зимы 2014 г. политические аналитики и эксперты отмечали очень широкий идеологический спектр организаций, участвующих в протестных действиях (анархисты, либералы, умеренные и радикальные националисты)¹. Возникает естественный вопрос, каким образом и для чего способны выступать вместе столь разные по идеологии организации? Это тем более актуально, поскольку в сентябре текущего года в Молдове сложилась в некотором отношении сходная ситуация.

В нашей статье мы предлагаем проанализировать вышеперечисленные события, используя современные дискуссии о новой волне популизма. В последнее десятилетие в связи с масштабными протестами в разных регионах мира снова стал актуален вопрос о популизме. Как его можно определить? Связан ли он с какими-либо конкретными идеологиями? Популистскими жур-

налисты и политические аналитики называют самые разные политические силы в США² и Европе³, существует феномен латиноамериканского популизма⁴, под которым подразумевают левоцентристские правительства в Венесуэле, Боливии и других странах. Вокруг популизма развернулась интересная дискуссия между политологами, социологами и философами, наиболее интересные подходы к проблеме представлены работами Эрнесто Лаклау и Славоя Жижека. Общая рамка и основные спорные моменты были определены в ходе дискуссий, развернувшихся после публикации в 2005 г. книги Э. Лаклау «On Populist Reason»⁵. Для начала рассмотрим, как Лаклау описывает популизм в данной работе.

Сверхзадачей Э. Лаклау стала реабилитация понятия популизм и придание ему положительного смысла. С его точки зрения, в современном мире только мобилизация угнетенных и маргинализированных групп с помощью популизма может остановить выхолащивание демократических процедур и постепенное исчезновение политики в рамках постполитического административного управления.

Согласно концепции Э. Лаклау, феномен популизма нельзя отделить от политического как такового. Любое политическое движение, особенно в периоды обострения борьбы за власть, будет иметь популистские черты. Используя терминологию философа М. Хайдеггера, Лаклау называет популизм онтологической категорией, то есть лежащей глубже онтического уровня традиционной экономической, политической и

¹ Не случайно, что неофициальным гимном Евромайдана стала песня группы «Ляпис Трубецкой» «Войны света». Их творчество очень четко укладывается в эклектичную сущность популизма как идеологии. Эстетика и тексты песен «Ляписа Трубецкого» представляют собой смесь: левоанархистских идей противостояния государству и капиталу, отдельных элементов советского авангарда 1920-х гг. и это в сочетании с риторикой противостояния России (СССР) как деспотичному имперскому центру, пафосом либеральных и националистических активистов «цветных революций» на постсоветском пространстве.

² О новой волне популизма в США см.: Skocpol T., Williamson V. The Tea Party and the Remaking of Republican Conservatism. Oxford University Press, 2012., Rasmussen S., Schoen, D. Mad As Hell: How the Tea Party Movement Is Fundamentally Remaking Our Two-Party System. Harper, 2010.

³ Об опасности популизма для Европейского союза см.: Гидденс Э. Непокойный и могущественный континент. Что ждет Европу в будущем? М.: Дело, 2015.

⁴ См.: Томин Л.В. Современные политические конфликты: постструктуралистский анализ. СПб.: СГУП, 2014. С. 144–154.

⁵ Laclau E. Onpopulist reason. Verso, 2005.

социальной борьбы. В своем анализе Э. Лаклау использует формальные критерии определения популизма, для него важно не само политическое или идеологическое содержание, а его специфическая логика артикуляции.

Э. Лаклау считает, что базовой категорией политической борьбы является требование. В ситуации, когда в обществе власть не удовлетворяет партикулярные требования различных групп, возникают предпосылки популизма. Популистская артикуляция может быть успешно выстроена, если партикулярные требования различных групп сложатся в цепочку эквиваленции и будет проведена граница между «властью» и «народом». В рамках популистской артикуляции выделяется один партикулярный элемент, который станет пустым означающим, олицетворяющим общие требования (пример Лаклау — профсоюз Солидарность в Польше в 1980 г.).

«Народ» как субъект в таких условиях конструируется именно на основе пустых знаков, согласно Лаклау, отсюда вытекает размытость популистских требований («свобода, достойная жизнь и труд» в 1980 г. в Польше). В логике популизма обозначение и наполнение основной оппозиции между «мы» и «они» не задана заранее, она зависит от артикуляции основных проблем. Размытость популистских требований частично компенсируется фигурой лидера. Конструируется образ и противостоящей народу власти. «Популизм не может обойтись без дискурсивного конструирования врага, будь то Старый порядок, олигархическая власть, истеблишмент или что-либо другое»⁶.

Э. Лаклау утверждает, что одни и те же требования и знаки могут быть артикулированы как левыми, так и правыми политическими движениями. Они являются объектами дискурсивной борьбы. Так, например, он считает, что борьба коммунистов и фашистов в Италии 1943-1945 гг. шла вокруг артикуляции знаков эпохи Рисорджименто (фигуры Мадзини, Гарибальди использовались как плавающие означающие). В теории Э. Лаклау популизм является аффектом, составляющим ядро политического как такового. Популизм в подобной интерпретации — единственная возможность артикулировать значимые общественные противоречия в постполитическом мире неолиберального консенсуса.

С. Жижек критически откликнулся⁷ на подобное рассмотрение феномена популизма и заметил, что надежды Э. Лаклау на прогрессивную роль популизма являются ошибкой. Основным возражением С. Жижека стало утверждение о антиполитическом характере популизма, в нем

присутствует изначальный жест предельного упрощения ситуации или самоослепления, когда при невозможности проанализировать сложное положение в обществе вина за все негативные явления приписываются одному псевдоконкретному врагу. В такой ситуации реальные противоречия смещаются и мистифицируются. Важной чертой популизма является то, что он не видит проблем в политической и экономической системе в целом, а лишь в отдельном элементе системы, не выполняющем свою функцию.

По мнению С. Жижека, популизм экстернализирует внутренний антагонизм, присущий любому обществу, или проецирует объективные социальные проблемы на псевдоконкретного врага, подавление (уничтожение) которого восстановит баланс и справедливость. Этот тезис можно проиллюстрировать примером из книги Э. Лаклау, с точки зрения которого, английский чартизм был популистским движением, поскольку «его доминирующим лейтмотивом является — видеть социальное зло не в том, что составляет врожденную сущность экономической системы, совсем наоборот, в злоупотреблении властью со стороны спекулянтов и других паразитических групп, контролирующей политическую власть — “старую коррупцию”, по словам У. Коббета <...> Именно по этой причине основными чертами, выделяемыми чартистами в правящем классе, была его праздность и паразитический образ жизни»⁸.

С. Жижек справедливо указывает на размытость границ популизма в трактовке Э. Лаклау. Кроме указанных примеров — движения чартистов, «бархатных революций» в Восточной Европе — к популизму Э. Лаклау относит коммунистические движения во главе с Мао Цзедунем, Иосипом Броз Тито и движение за гражданские права в США, символом которого стал Мартин Лютер Кинг. Подводя итог дискуссии, касающейся теоретического осмысления феномена популизма, можно согласиться с аргументами С. Жижека о том, что популизм не является онтологической категорией, выражающей основу политического как такового.

По нашему мнению, несмотря на то, что популистские лейтмотивы встречались в различных левоцентристских и леворадикальных партиях и движениях, популизм как идеология является ситуативной вариацией националистических и консервативных политических сил. Механизм функционирования правоконсервативной, националистической и популистской идеологий, может быть выявлен с помощью различия, предложенного С. Жижеком.

Исходя из возможности соединения марксистского и психоаналитического концептуальных аппаратов, он предложил выделить два типа

⁶ Лаклау Э. О популизме // Вестник Московского университета. Сер.12: Политические науки. 2009. № 3. С. 56.

⁷ См.: Zizek S. Against the Populist Temptation // Critical Inquiry. Spring. 2006. Vol. 32. P. 551-574.

⁸ Laclau E. On populist reason. Verso, 2005. P. 90.

идеологий: симптоматический и фетишистский. Симптоматический тип работает следующим образом: человек полагает, что политическая система (или экономическая) функционирует правильно, обеспечивая соблюдение свободы (или справедливости). Существование неявного институционального механизма, продуцирующего ограничение реальных свобод каких-либо групп (например, женщин), или экономической системы, воспроизводящей несправедливое распределение благ, проявляется в форме симптомов, которые нарушают ложную картину, сигнализируют о наличии проблем в системе в целом. Симптоматический тип идеологии, согласно С. Жижек, наиболее характерно воплощен либерализмом.

Фетишистский тип работает по-другому, в нем человек признает наличие политических (или экономических) проблем, но он винит в этом не систему в целом. Вместо анализа объективных процессов, он проецирует свое недовольство, приписывая вину за все происходящее какой-либо группе (евреям в случае антисемитизма, агентам влияния других государств и т.д.). При этом реальные политические, экономические противоречия смещаются и мистифицируются. Фетишистский тип идеологии характерен для разных видов правоконсервативных, националистических и популистских течений.

С точки зрения воздействия на сознание, популизм в наиболее явной форме воплощает еще один идеологический механизм. Данный механизм был детально разобран французским философом Люсьеном Голдманом в книге «Сокровенный бог»⁹ на пример янсенистов (Б. Паскаля и Ж. Расина). Его интересовал вопрос, почему доктрина янсенистов из Пор-Рояля вызвала такую резко негативную реакцию католической церкви? Л. Голдман полагает, что это произошло, потому что янсенисты, развив до конца некоторые неартикулированные элементы католицизма, неосознанно продемонстрировали ту часть католической доктрины, которая не должна публично проговариваться. Из этого Л. Голдман делает более широкий вывод: эффективная идеология воздействует именно благодаря своей незаконченности, недоговоренности, наличия некоторых неартикулированных сегментов.

Благодаря этому, популизм способен организовать и направить спонтанное недовольство дезориентированных людей на псевдоконкретного врага, который воплотить в себе все недовольство политической и экономической системой. Трагичность ситуации на постсоветском пространстве заключается в том, что люди в разных странах, справедливо возмущаясь политической правительством и начав действовать, в итоге свергают с помощью одной части элиту другую

ее часть, но все системные проблемы остаются. Государства постсоветского пространства нуждаются в прогрессивных переменах, и вопрос не только в том, как тактически их осуществить (выборы или массовые уличные протесты), основной вопрос — как вырваться из замкнутого популистского круга перемен, которые ничего не дают. Страны, в которых один или несколько раз сменялась власть за последние 15 лет (Украина, Киргизия, Молдова и Грузия), своих системных экономических и политических проблем не решили. Именно в связи с этим нам кажется продуктивным проанализировать ситуацию на постсоветском пространстве и в Восточной Европе, используя понятие популизм.

При рассмотрении того, что мы считаем популистской политической мобилизацией в Украине, мы должны обязательно учитывать более широкий контекст восточноевропейского региона. В процессе постсоциалистического транзита и сложностей, связанных с существованием на полупериферии капиталистической миротической системы, во многих странах Восточной Европы проявились с разной силой похожие тенденции¹⁰. Популистские настроения в странах данного региона на политическом уровне артикулируются по-разному, но есть у них и общие элементы.

Первый общий элемент — это политика памяти, он связан с периодом нахождения стран либо в составе СССР (Украина, Молдова), либо в социалистическом лагере (Польша, Венгрия). Многие эксперты обсуждали феномен новой волны антикоммунизма, она проявилась в законах (о запрете символики коммунистических режимов или о наказании за отрицание преступлений данных режимов), в ситуациях борьбы с символами (снос памятников или монументов, переименование улиц и т.д.). Тот факт, что по прошествии более чем 20 лет после «бархатных» революций, крушения СССР, коммунистическое прошлое или его образ занимают столь важное место в национальной повестке представляется интересным идеологическим феноменом для анализа. Подобная особенность политики памяти в посткоммунистических странах, на наш взгляд, является симптомом кризиса их действующих экономической и политической моделей. Захваченность желанием постоянного очищения от следов коммунистического прошлого (дискуссии о люстрации, борьба с символикой) свидетельствует о кризисе или тупике, в который попали страны в результате реформ последних десятилетий. Из-за невозможности признания данной ситуации в действие вступает фундаменталистская логика перманентного очищения от

⁹ См.: Гольдман Л., Сокровенный Бог. М.: Логос, 2001.

¹⁰ Подробнее о сложностях политического транзита на постсоветском пространстве и в Восточной Европе См.: Балаян А.А. Власть и интеллектуальная элита в условиях политических трансформаций. СПб.: Алетея, 2015.

прошлого. В символическом мире популистской идеологии партий и движений в посткоммунистических странах новая экономическая и политическая система под сомнение не ставится, во всем оказываются виновны оставшиеся элементы старой.

Второй общий элемент — включенность в экономический и политический интеграционный проект в качестве полупериферии (положение Венгрии в ЕС) либо поиск своего места в регионе, где конкурируют несколько интеграционных проектов (положение Украины, Молдовы и некоторых других стран постсоветского пространства между ЕС и Евразийским экономическим союзом). В Венгрии, являющейся членом ЕС, популистская идеология строится на архизации идентичности в сторону этнонационализма и евроскептицизма. Основными врагами в символическом пространстве венгерского популизма выступают «брюссельская бюрократия» и мигранты. Для популистских политических сил Украины и Молдовы идеология строится на противостоянии Российской Федерации, которая в воображении выступает как авторитарная империя которая, несмотря на разные формы правления и типы политического режима (Российская империя, СССР, Российская Федерация), ведет агрессивную политику в отношении данных государств. При таком видении пропадает какое-либо различие между понятиями российский, русский и советский. Для популизма как правой идеологии очень характерно подобное антиисторичное эссенциалистическое мышление.

Возникает вопрос, какие социальные, экономические и политические процессы создают в стране реальную основу для вышеописанных идеологических явлений? По отношению к постсоветскому пространству глобальной причиной является неуспех политического и экономического транзита. В странах не создана эффективная современная экономика, способная поддерживать достойный уровень жизни для большинства населения. Политическая система либо имитирует демократические процедуры, за фасадом которых соперничают различные группы крупного капитала, либо она претерпела авторитарный откат.

На этом фоне идеологическое пространство постсоветских государств представляет собой достаточно специфическую картину. Политический либерализм почти повсеместно маргинализован, неолиберальные принципы экономической политики существуют, но только под громкой националистической завесой. Левые как социалистические, так и коммунистические партии и движения имели влияние в 90-е гг., но затем его полностью растеряли.

Особенность ситуации, например, в Украине — при численно небольшом количестве радикальных националистических организаций — национали-

стический дискурс структурирует почти все идеологическое пространство страны. Политические силы, как имеющие идеологию, так и просто выражающие интересы определенных финансово-промышленных групп, на сегодняшний момент способны войти в политическое поле и бороться за гегемонию в нем, только приняв искренне или инструментально основные постулаты и символы украинского национализма.

Нынешний президент страны Петр Порошенко является наглядным примером, иллюстрирующим данный тезис. В 90-е гг. он начинал свою карьеру как депутат Верховной Рады от левоцентристской партии — Социал-демократической партии Украины (объединенная) СДПУ(о), которую затем покинул, создав более центристскую парламентскую фракцию «Солидарность». Затем в 2001 г. П. Порошенко принял активное участие в создании Партии Регионов, впоследствии после раскола в окружении президента Л. Кучмы (частью которого был П. Порошенко) он поддержал и профинансировал «оранжевую революцию» в 2004 г. В 2006 г. снова стал депутатом от партии «Наша Украина», соединявшей в себе неолиберальную экономическую программу и националистическую идеологию. Будучи опорой президента В. Ющенко, партия вместе с ним постепенно теряла популярность. Потом П. Порошенко недолго возглавлял совет Национального Банка, был министром иностранных дел, после победы В. Януковича на выборах президента назначался министром экономического развития и торговли. Евромайдан и военный конфликт внутри страны привели к усилению националистического консенсуса в стране, и П. Порошенко в борьбе за пост президента 2014 г. в очередной раз приспособил свою программу к изменившемуся соотношению сил на поле идеологической и дискурсивной борьбы.

По нашему мнению, социально-экономическая основа популистских настроений — деклассирование больших сегментов общества¹¹ в результате экономических реформ, когда характерная для советской модели социальная структура оказалась разрушенной, а новая либо окончательно не сложилась, либо в ней для определенных групп не нашлось достойного места. Это позволяет сравнивать ситуацию на постсоветском пространстве с Латинской Америкой прошлого. Феномен латиноамериканского популизма также связан с наличием в обществе большого количества деклассированных и маргинализированных слоев.

Одним из свидетельств постепенного роста популистских настроений в Украине в 2000-е гг. является успех Юлии Тимошенко и партии «Батькивщина». Объективно выражая интере-

¹¹ О масштабах деклассирования общества в РФ см.: Кагарлицкий Б.Ю. Реставрация в России. М.: URSS, 2011.

сы части крупного олигархического капитала, Ю. Тимошенко и ее партия обращались за поддержкой к наиболее обездоленным и дезориентированным избирателям. Уход в относительную тень Тимошенко в 2014–2015 гг. может быть связан с новой ситуацией, когда популистский месседж не эффективен без большой дозы радикального этнического национализма.

Рассмотрим подробнее проблему борьбы с коррупцией, столь актуальную почти для всех постсоветских государств. Коррупция как системное явление обнаруживает себя как на уровне обычной жизни граждан в их взаимодействии с органами власти, так и в структуре государственного управления на высшем уровне. В данной ситуации нас больше интересует последний случай, поскольку именно коррупция высших эшелонов власти делает государство не эффективным инструментом управления, а конгломератом борющихся друг с другом групп, каждая из которых связана с крупным капиталом. Система отношений между бюрократией и прослойкой крупных собственников, их временные союзы или борьба за влияние на государство — важнейший вопрос для всех постсоветских государств.

При анализе ситуации в постсоветских странах некоторые исследователи уделяют очень большое внимание проблеме построения институтов и их эффективной работе. Это отчасти связано с оживлением неоинституционализма за рубежом, например, в связи с работами Дугласа Норта. По нашему мнению, подобный подход не располагает правильными инструментами анализа, поскольку упускает влияние, оказываемое местом государства в современной миросистеме. Проблемы авторитарной власти, коррумпированной бюрократической системы, слабого развития экономики и несоблюдения принципов правового государства связаны главным образом не с институтами, а с полупериферийным характером включения страны в мировую экономику и соответствующей этому политической модели и отношениями между властью и крупным капиталом.

Либеральные политики, эксперты и публицисты поддерживали Майдан-2014 и «цветные революции», происходившие в начале 2000-х гг. на пространстве СНГ, поскольку им импонировали лозунги борьбы с неэффективной коррумпированной бюрократией. Такого рода лозунги интерпретировались как однозначно прогрессивные и либеральные. Но, как справедливо писал Э. Лаклау, любое понятие, присутствующее в пространстве политической и идеологической борьбы, по-разному артикулируется, попадая в разные смысловые цепочки. Поэтому абстрактно лозунг борьбы с коррумпированной бюрократией сам по себе не задает идеологии протеста. Против данного феномена можно выступать не только с либеральных позиций, но и с анархиче-

ских или националистических. Например, если мы проанализируем идеологии праворадикальных монархических или националистических организаций в дореволюционной России («Союз русского народа») или в Италии, Германии 1920-е гг. в них неизменно присутствовал специфическим образом артикулированный лозунг борьбы с коррумпированной бюрократией.

Для анализа популистской логики в политическом процессе Украины хорошо подходят инициативы властей по реформе государственного аппарата, экономической и социальной политике. Провозглашенными целями реформы госаппарата и закона о люстрации были повышение эффективности управления и борьба с коррумпированной бюрократией. Почти все внимание было обращено на фигуру бывшего президента В. Януковича и его соратников в правительстве, различных органах власти и Партии Регионов. Без сомнения, для этого были все основания, поскольку в период своего нахождения на посту президента В. Янукович и его команда использовали рычаги власти для передела собственности и борьбы со своими экономическим и политическими конкурентами. Тот факт, что большинство из них покинуло территорию Украины, еще больше укрепило их негативный образ.

Подобная персонификация системных проблем — верный признак популистской логики. Как независимое государство Украина существует с 1991 г. и системные проблемы в политической системе и экономике были заложены при прошлых президентах: Л. Кравчуке, Л. Кучме и В. Ющенко. В. Янукович ничего не сделал для решения этих проблем и даже усугубил их тяжесть. Симптоматичным является отсутствие претензии со стороны нынешней власти к Л. Кучме, который был президентом два срока и был «отцом-основателем» олигархической политической и экономической системы.

Популистская логика во многом двигает и реформу государственного аппарата. В многочисленных интервью министр экономики А. Абромавичус говорил о необходимости сокращения количества чиновников, дебюрократизации, по его мнению, это позволит решить проблему коррупции (за счет увеличения зарплаты оставшимся госслужащим). Подобные предложения вызвали серьезные сомнения у большинства экспертов, поскольку увеличение заработной платы с 200 евро до 400 не может стать серьезным антикоррупционным стимулом. Позже выяснилось, что и проблемы дебюрократизации не решаются, поскольку в условиях отмены субсидий на газ для потребителей правительственная программа адресной помощи малоимущим слоям требует серьезного увеличения штата ряда министерств.

Необходимо также проанализировать воздействие популистской идеологии на микроуровне,

поскольку популизм за счет создаваемого им ощущения энтузиазма манипулирует чувствами и эмоциями людей. Своей логикой прямого и простого действия популизм создает видимость реальной борьбы с волнующими людей проблемами. Кроме того, популизм имеет свою либидинальную экономику, он, помимо трансгрессивного удовольствия, подкупает некоторых актами мести символическим «врагам общества». Примером этому могут служить насильственные действия в отношении мелких региональных чиновников или так называемые народные люстрации. Подобные акты многими озлобленными гражданами Украины, независимо от их взглядов, воспринимаются как справедливые. В такой популистской логике и придерживающиеся разных идеологий активисты могут испытывать одинаковые эмоции.

Подводя итог нашему анализу, можно констатировать следующее — общий кризис посткоммунистического транзита в совокупности с продолжающимся мировым экономическим кризисом создает на постсоветском пространстве объективные причины для социального недовольства и желания трансформировать политические и экономические институты. В политическом процессе ряда стран (Украина, Молдова) доминирует популистский дискурс, он действует как замкнутый круг, когда люди, справедливо возмущенные политикой правительства, начина-

ют протестовать, массовое уличное давление во главе с одной частью элиты свержает другую, но все системные проблемы остаются. В этом, по нашему мнению, основная опасность популистской идеологии — соединяя разнородные слои общества для давления на власть или ее свержения, она, мистифицируя и смещая реальные конфликты, не может быть эффективной.

Список литературы:

1. Балаян А.А. Власть и интеллектуальная элита в условиях политических трансформаций. СПб.: Алетейя, 2015. 138 с.
2. Гидденс Э. Неспokoйный и могущественный континент. Что ждет Европу в будущем? М: Дело, 2015. 240 с.
3. Гольдман Л. Сокровенный Бог. М.: Логос, 2001. 480 с.
4. Кагарлицкий Б.Ю. Реставрация в России. М.: URSS, 2011. 376 с.
5. Лаклау Э. О популизме // Вестник Московского университета. Сер.12: Политические науки. 2009. № 3. С. 56.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Начала, 1997. 190 с.
7. Томин Л.В. Современные политические конфликты: постструктуралистский анализ. СПб: СГУП, 2014. 167 с.
8. Laclau E. On populist reason. Verso, 2005. 288 p.
9. Rasmussen S., Schoen D. Mad As Hell: How the Tea Party Movement Is Fundamentally Remaking Our Two-Party System. Harper, 2010. 504 p.
10. Skocpol, T., Williamson, V. The Tea Party and the Remaking of Republican Conservatism. Oxford University Press, 2012. 272 p.
11. Zizek S. Against the Populist Temptation // Critical Inquiry. 2006. Vol. 32. P. 551–574.

Populist ideology in the political process in Ukraine

Tomin L.V.,

PhD in Political Science,
Assistant Professor of the Philosophy, Political science,
sociology department Petersburg State Transport University
E-mail: leopolit@yandex.ru

Abstract. *The paper analyzes the ideology of populism, which consolidated part of the ukrainian society in street protests of autumn 2013 — winter 2014 and led to a change of power in the country. The paper discusses the debate on the issue of populism unfolded in foreign science in the last decade. Also it takes an attempt to analyze the populist tendencies across the Eastern European region and to investigate their causes.*

Keywords: *populism, ideology, Ukraine, post-Soviet states, Eastern Europe.*

References:

1. Balajan A. A. Vlast' i intellektual'naja jelita v uslovijah politicheskikh transformacij. SPb: Aletejja, 2015. 138 s.
2. Giddens Je. Nespokoynyj i mogushhestvennyj kontinent. Chto zhdet Evropu v budushhem? M: Delo, 2015. 240 s.
3. Gol'dman L. Sokrovennyj Bog. M.: Logos, 2001. 480 s.
4. Kagarlickij B.Ju. Restavracija v Rossii. M.: URSS, 2011. 376 s.
5. Laklau Je. O populizme // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.12: Politicheskie nauki. 2009. № 3. S. 56.
6. Nort D. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki / nauch. red. B.Z. Mil'nera. M.: Nachala, 1997. 190 s.
7. Tomin L.V. Sovremennye politicheskie konflikty: poststrukturalistskij analiz. SPb: SGUP, 2014. 167 s.
8. Laclau E. On populist reason. Verso, 2005. 288 p.
1. Rasmussen S., Schoen D. Mad As Hell: How the Tea Party Movement Is Fundamentally Remaking Our Two-Party System. Harper, 2010. 504 p.
2. Skocpol T., Williamson V. The Tea Party and the Remaking of Republican Conservatism. Oxford University Press, 2012. 272 p.
3. Zizek S. Against the Populist Temptation // Critical Inquiry. 2006. Vol. 32. P. 551–574.